

БАЛЛОВЕНЫ СУДЬБЫ НИКИТА БОГОСЛОВСКИИ

Интервью, которое мы предлагаем продолжить нашим читателям

МАЙ

☉ Восход 5 09
Заход 21 44
Долгота дня 16 35

☾ Посл. четв. 19 мая
Восх. 4 04
Зах. 16 52

22

Именинники: Николай, Христофор, Северин

ПЯТНИЦА

В этот день родились:
1813 г. — Рихард Вагнер, композитор
1948 г. — Евгений Мартынов, композитор.
1937 г. — Виктор Понедельник, футболист.

Самогон от Жана Марэ

— А не выпить ли нам самогону? — предложил Никита Владимирович, едва мы устроились с диктофоном в его уютной квартире на Котельнической набережной. И, увидев наши несколько обескураженные лица (предложи он нам марочный коньяк или виски — мы бы не удивились), поспешил добавить:

— Эта бутылка хранится у меня уже 50 лет, а прислал мне ее из Франции из своего погреба мой друг Жан Марэ.

Можно было верить или не верить (кто же не знает, что Богословский — великий мастер розыгрышей), но как не поверить, если со всех стен на нас смотрят фотографии, где композитор стоит в обнимку действительно и с Жаном Марэ, и с Ивом Монтаном, и с другими знаменитостями XX века? Самогон из запylенной (как и положено!) бутылки оказался отчаянно крепким, но хочется надеяться, что это не очень сказалось на качестве интервью (все же решающая часть была выпита уже после того, как был выключен диктофон). Заметим, кстати, что сам интервьюируемый от дегустации напитка отнюдь не уклонялся, вел себя в застолье без всяких ссылок на возраст, чем заслужил наше дополнительное восхищение. Однако к делу.

Вальс для Диты

— Никита Владимирович, а вы первое свое сочинение помните?

— К прискорбию, очень хорошо. А дело было так. Совсем маленьким мальчиком — это было в Ленинграде — меня повели в ТЮЗ. Рядом со мной сидела какая-то девочка, которая своими репликами и хихиканьем ужасно мешала мне смотреть спектакль. В антракте я с ней познакомился. Она оказалась очень общительной и сразу позвала меня на свой день рождения. Я стал думать, что бы ей такое подарить. И попросил у мамы какое-нибудь кольцо или ожерелье. Но ожерелье мне мама почему-то не дала, и тогда я решил написать вальс и преподнести его Дите (так звали девочку). Через 60 лет этот вальс, к моему позору, был продемонстрирован на юбилее ее папы. А в тот день, когда я дарил Дите вальс, ее папа был еще совсем молодой (но с моей тогдашней точки зрения — очень старый: ему было 29 лет), и среди гостей на дне рождения его дочери, кроме детей, были разные дяди. Например, дядя Володя Маяковский, дядя Миша Зощенко, дядя Володя Горювич и дядя Володя Софроничий. Я прекрасно помню, как они катали нас на спинах — мы устроили бои такие.

— Ничего себе — дяди! Что же это была за семья? Дита — чья была дочка?

— Ее отец был дядя Леда Утесов (именно Леда, а не Леня — таково было домашнее имя). Спустя годы он много пел моих песен — “Днем и ночью”, “Окраина”, “Последний извозчик”, “Солдатский вальс”... И я так думаю, что их успех и популярность во многом зависели от него. А Эдит Утесова сохранила мой ужасный вальс.

— А у вас какая была семья, Никита Владимирович? Правда, что вы из дворян?

— Отец был из захудалого дворянского рода и служил чиновником министерства почты и телеграфа. К революции он дослужился до действительно-го статского. В 1916-м мои родители разошлись, и я остался с мамой. Она была дочкой камергера Двора Его Императорского Величества, ее отец (стало быть, мой дед) был владельцем двух имений — Карповки в Тамбовской губернии и Березайки — в Белгородской.

— При советской власти это дворянство как-то сказалось на вашей судьбе?

— На моей — нет, а на судьбе семьи — да. После убийства Кирова в 1934 году всю нашу семью выслали из Ленинграда, отправили в Казань. А меня — я тогда работал внештатным дирижером в Александринском театре — вызвали в Большой дом на Литейный (так в Ленинграде называют здание КГБ). Я до сих пор помню: такой красивый смуглый чекист по фамилии Малый, не глядя в глаза, протянул мне бумажку с пред-

писанием ехать в Сыктывкар. Но я нигде не поехал. И — удивительное дело — про меня в суматохе забыли. Так я в Ленинграде и остался. Но поскольку от решения, по-моему, никто до сих пор не отменил, то наверное я и сейчас должен быть в Сыктывкаре.

— Никита Владимирович, а вы не жалеете, что жизнь сложилась так? Если бы не было революции, дворянин Богословский имел бы два имени. Нет у вас обиды на историческую несправедливость?

— Вы знаете, я никогда об этом серьезно не думал. Обида? Нет. Может быть, некоторое чувство досады... Но как можно жалеть о том, что от тебя не зависит?

Человек без трудовой книжки

— Как рано вы стали заниматься музыкой?

— Вообще этим делом меня заставляли заниматься с четырех лет. И музыку, и игру на рояле я совершенно ненавидел. Старшие это знали и, видимо, махнули на меня рукой, потому что, когда я пошел в школу, мне сказали: если будешь приносить пятерки по поведению, мы тебя от музыки освободим. Исправить тройку на пятерку ничего не стоит, что я, собственно, успешно и проделывал. И меня от музыки освободили.

— Вас освободили, но вы почему-то не освободились...

— А получилось так. Вдруг лет в восемь меня неудержимо потянуло к инструменту. Толчок был очень странный: как-то я уже лежал в постели, и мама играла, по-моему, первую балладу Шопена. И это мне так вдруг запало в душу! Я не мог заснуть. И даже заплакал, помнится. И с тех пор потянулся к роялю. Но я вовсе не хотел играть какие-то классические произведения, а просто брякал что попало.

— Вы закончили Ленинградскую консерваторию?

— Ага. Но на третьем курсе меня погнали оттуда за разные эксперименты. Поэтому я закончил ее экстерном по композиции и факультативно как дирижер.

— И где работали?

— А нигде. Я вообще никогда не ходил ни на какую службу.

— Вы говорили, что были дирижером в Александринском театре.

— Это когда я еще учился в консерватории. Совсем недолго. Внештатным дирижером и только на выездных спектаклях. Но меня оттуда выгнали.

— За что?

— Да в общем-то за дело. Случилось так, что известная артистка Потоцкая — до революции она была возлюбленной одного из великих князей — позвала меня на свой день рождения. А в тот вечер давали “Маскарад” Лермонтова, и я должен был дирижировать. Но после первого акта я бросил дирижерскую палочку и уехал к ней. И вот представьте: Железнова — артистка, которая играла роль Нины, открыла рот, чтобы запеть знаменитый глазуровский романс, а дирижера нет. За это меня на три месяца исключили из Союза работников искусств. Такое гуманное отношение было.

— А трудовая книжка когда-нибудь была у вас?

— Нет. У меня есть книжка Союза композиторов. Я в Союз вступил довольно быстро, где-то после 1932 года, по существу еще мальчишкой. С тех пор и сочиняю. Я имею в виду — профессионально.

— Какая песня принесла вам первый успех?

— Первый успех? Пожалуй, песенка Джени из фильма “Остров сокровищ”. Помните: “Если ранили друга — перевяжет подружка...” И хотя она была написана в мирное время без всяких прицелов на будущую войну, ее очень часто исполняли во время войны фронтовые бригады.

А вторая песня из этого фильма была пиратская. После того как фильм прошел по экранам, ее пели все пьяные. Если человек шел по улице и горланил “Й-о-хо-хо, и бутылка рома”, то его можно было без всяких анализов сразу забирать в вытрезвитель.

“Остров сокровищ” мне памятен еще и тем, что на просмотре этого фильма в Доме кино ко мне подошел Леонид Луков, режиссер с Киевской

Итак, 22 мая родились: композитор Рихард Вагнер (1813), композитор Евгений Мартынов (1948), футболист Виктор Понедельник (1937). Так гласит перекидной календарь нынешнего года, выпущенный массовым тиражом. Слов нет, достойные люди. Можно поставить пластинку Вагнера («Гибель богов», например) и под яблоней в саду поднять стопку в честь Евгения Мартынова и 61-летия Виктора Понедельника. Почему нет? Но мы все-таки поступим иначе и в день весенний 22 мая содвинем бокалы за 85 лет Никиты Владимировича Богословского. А потом, как водится, споем. И «Любимый город», и «Темную ночь», и «Шаланды, полные кефали», и «Три года ты мне снилась», и еще много замечательных песен, которые написал этот веселый человек и которые вся наша Россия поет не один десяток лет. И мы уверены, что нам подпоют миллионы. А там, глядишь, и большие начальники захотят исправить бестактность, допущенную в перекидном календаре, и устроят народному композитору настоящий юбилей — с высокими правительственными наградами, цветами, поздравлениями и большим (как сейчас говорят — “гала”) концертом, где звезды эстрады исполнят перед телекамерами бессмертные песни Маэстро... Не сомневаемся: все так и будет.

студии, и попросил меня написать музыку для фильма “Большая жизнь”. Что я и сделал.

— И вся страна запела “Спят курганы темные”. Фильм уже никто не помнит, а песню до сих пор поют. А музыкальная критика ваши песни заметила?

— На невнимание критики пожаловаться не могу.

Из публикаций советской печати о творчестве Н. В. Богословского

“Песенка Джени” (муз. Н. Богословского, текст Лебедева-Кумача) из фильма “Остров сокровищ” претендует на мелодичность и доходчивость, но она имеет весьма малопотенную родительницу — блатную песню...”

(И. Дунаевский. “О народной и псевдонародной песне”. Журнал “Искусство и жизнь” № 5, 1938 г.)

“К сожалению, мелодия основной песни фильма (“Спят курганы темные”). — Ред.) — композитор Н. Богословский — явно несамостоятельна и напоминает... довольно известную шансонетку Вертинского”.

(Р. Ислевин. “Большая жизнь”. Газета “Вечерняя Москва”, 1940 г.)

“Песни Богословского “Любимый город” и “Ты ждешь,

Лизавета” отклонить, ввиду низкого художественного уровня музыки”.

(Из протокола редакции мас-совой песни издательства. Ре-дактор А. Лифшиц. 1942 г.)

“Несомненно этим же объясняется успех произведе-ния Никиты Богословского “Темная ночь” и “Шаланды, полные кефали” — песни, раз-бор которых не входит в компетенцию музыкальной крити-ки, ибо если это и музыка — то “блатная”.

(В. Городинский. “Слова и мелодии”. Газета “Советское ис-кусство”, 1945 г.)

“Едва ли, скажем, нужно было писать песню “Шаланды” и прививать дурной вкус ее распространением”.

(Б. Мокроусов. “К новым пес-ням”. Газета “Советское искусс-во”, 1945 г.)

“Введенные в фильм песни (композитор Н. Богословский, авторы текстов песен А. Фатьянов и В. Агатов) проникнуты кабацкой меланхолией и чужды советским людям”. (Напри-мер, песня “Три года ты мне снилась”. — Ред.)

(Постановление ЦК ВКП(б) от 4 сентября 1946 года о кинофильме “Большая жизнь”, 2-я серия).

“Вредный пример Бого-словского, — говорит композитор Новиков, — нашел подра-жателей в среде музыкальной

молодежи, в том числе и тех, кто работает на транспорте”.

(“За глубокую идейность куль-турной работы на транспорте”, газета “Гудок”, 24 октября 1946 г.)

“Песня Богословского “Ночь над Белградом” не просто безыдейная пошлость, а идеологически вредная вещь”. (В. Фере. Журнал “Советская музыка” № 10, 1946 г.)

“Многие помнят, вероятно, фильмы, музыкальное сопро-вождение к которым написал тот же Н. Богословский. Сохранилось впечатление легковес-ных, банальных мелодий, рас-считанных на весьма низыс-кательный музыкальный вкус”. (Ал. Абрамов. “Одиннадцать неизвестных”. Газета “Вечерняя Москва”, 7 сентября 1946 г.)

Шостакович думал иначе

— Хороши отзывы — ниче-го не скажешь!

— Я не придавал им боль-шого значения.

— Даже если это был отзыв самого Дунаевского?

— С Дунаевским мы были потом в прекрасных отноше-ниях. А эта его ремарка — по по-воду песен из “Острова Сокро-вищ”... Дело в том, что к этому фильму музыке должен был пи-сать он, но заболел и не смог. Может быть, здесь надо искать объяснение.

— А как вы отнеслись к тому, что вас обвиняли в неса-мостоятельности, в подража-нии Вертинскому?

— Я думаю, что критик из “Вечерней Москвы” знал сочи-нения Вертинского только по-наслышке. Потому что услы-шать его до 50-х годов было практически нигде — разве что с конфискованных пластинок. Я очень дружил с Вертинским. И я потом сыграл ему эту штучку из “Большой жизни”. Оказыва-ется, он прекрасно знал ее еще по эмиграции. Я спросил: “Саша, скажи, ну хоть чем-ни-будь это похоже на твои сочи-нения?” — “Да что ты, — гово-рит, — абсолютно другая вещь!”

— Попасть в те годы крити-ческой строкой в постановле-ние ЦК ВКП(б) было чревато более чем серьезными послед-ствиями.

— Да, постановление заста-вило немного поволноваться. Но никаких репрессий по отно-шению ко мне не последовало.

— И песни ваши по-прежне-му исполнялись?

— Абсолютно все. В том числе и из этого фильма.

— Но в Союзе-то компози-торов должны были вас обсу-ждать. После постановления ЦК — как же без этого?

— Да, в Союзе композито-ров была большая долбежка, всякие пленумы, заседания, совеща-ния. Но я просто взял и уехал на юг, в какой-то санато-рий на это время. К тому же все довольно быстро улеглось. И, повторяю, на мне, и на испол-нении моих сочинений это ни-как не отразилось. То ли на кри-тику в газетах не обратили се-рьезного внимания, то ли была чья-то команда — не трогать.

— Отрицательные отзывы на вас писали люди хорошо вам знакомые. Например, Бо-рис Мокроусов. Вы не обижа-лись на него?

— Да он же пил с утра до вечера. Я как-то его спросил: зачем, мол, ты про меня напи-сал? А он говорит: “Да я даже не помню. Мне дали, я чего-то подписал”. Нет, я не обижал-ся. Такие были правила игры. Раз ты упомянут в постановле-нии ЦК ВКП(б) — тебя надо осу-дить.

— Неужели никто из коллег не поддержал вас?

— К счастью, был человек, чье мнение для меня значило больше, чем сотня отзывов Мокроусовых. Вот что он писал известному дирижеру Большо-го театра С. А. Самосуду. “Есть в Ленинграде молодой и, по-моему, талантливей компози-тор Никита Владимирович Бо-гословский. Он пишет оперу “Аристократы” по одноименной

погодинской пьесе. Написал первый акт. Было бы очень хо-рошо, чтобы Вы заинтересо-вались этой оперой. Многие стра-ницы очень талантливы”. Эти слова Дмитрия Дмитриевича Шостаковича в мой адрес дали мне возможность спокойно ре-агировать на все последующие укусы.

“Тебя все знают”

— Никита Владимирович, а за границу вас пускали?

— До 1968 года почему-то не пускали. А потом я написал жалобу в ЦК и меня стали вы-пускать. Наверное, этому не-вольню помог французский ком-позитор Франсис Лемарк, кото-рый приехал в Москву и сказал, что хочет познакомиться с че-ловеком, который написал “Темную ночь”. Потом мы дол-го переписывались.

— На французском? Вы в детстве выучили язык?

— Да, моя гувернантка, как и положено, учила меня трем языкам. Но английский и не-мецкий как-то забылись (хотя, когда при мне начинают гово-рить, я кое-что понимаю), а французский остался. Причем, французы утверждают, что я говорю с бельгийским акцен-том. Я десятки раз бывал в Па-риже.

— Ваши сочинения там зна-ют?

— Симфонические. Не только знают, но и исполняют. Чаще, чем у нас.

— У вас есть симфониче-ские произведения?

— Восемь симфоний.

— И все восемь исполня-лись?

— Абсолютно все.

— А вам не обидно, Никита Владимирович, что широкие массы, так сказать, знают вас только как композитора-песен-ника?

— Я не обижаюсь. В какой-то мере это закономерно. Кое-что иногда у нас исполняют — симфоническую повесть “Васи-лий Теркин”, шуточное симфо-ническое сочинение “Старая Одесса”, а на Западе играют довольно часто.

— Чем вы это объясняете?

— Тем, что я ни к кому на приемы не прошусь и ни о чем не прошу. Я как-то инертно от-ношусь к этому делу — не умею пробивать, для меня это унизи-тельно.

Здесь в разговор, не выдер-жав, вмешивается жена — Алла Сивашова, тоже композитор.

— Он совершенно не ощу-щает своей известности и — действительно терпеть не мо-жет кого-то о чем-то просить. Доходит до смешного. Допус-тим, мне нужно попасть на ка-кой-то редкий концерт в Боль-шой зал консерватории. Гово-рю: позвони, попроси билеты, не бесплатно же — за деньги. — “Я там никого не знаю”. Я говорю: но тебя все знают, по-звони. И когда он с великой мучкой мученической звонит (чтобы только на мой скандал не нарваться), ему никто нико-гда не отказывает. Его действи-тельно все знают.

— Еще бы не знать! А ка-кую свою песню вы больше всего любите, Никита Влади-мирович?

— Не знаю... Наверное, ро-манс Рощина из фильма “Раз-ные судьбы”.

— Почему ж ты мне не встретилась...?”

— Да-да. Если, конечно, не считать лемешевского цикла. У меня есть пластинка, где с од-ной стороны мои песни испол-няет Лемешев, а с другой — Утесов.

— Вы можете назвать луч-ших исполнителей своих пе-сен?

— Это, как я уже сказал, Лемешев, Утесов, Бернес, Мус-лим Магомаев и, как ни стран-но, человек, с которым у меня нарушены все отношения.

— Вы имеете в виду...?

— Я говорю об Иосифе Коб-зоне...

(Продолжение следует)

Встречались Валерий **ЕВСЕЕВ**, Николай **МИХАЙЛОВ**.

ОТ АВТОРОВ: Разговор, как вы понимаете, продолжался. Но мы решили прервать его на этом месте. По двум причинам. Во-пер-вых, на газетную страничку весь он не входит, а сокращать не хочется. Во-вторых, нам показалось несправедливым, что воп-росы любимому композитору задаем только мы. Наверняка и на-шим читателям хочется о чем-то спросить Богословского. Спра-шивайте. Вы можете задать свои вопросы сегодня, 19 февраля, в день выхода газеты, и завтра, 20 февраля, по телефону 229-52-52. Мы передадим их Никите Владимировичу, а в одном из ближайших номеров “ВК” опубликуем его ответы. Это будет наше с вами совместное интервью.